

1

В пять утра в мою дверь забарабанили пудовые кулачищи.

— Андрюха, вставай! — кричал незнакомый мужик. — У нас ЧП, тебя срочно требуют на выезд.

Я распахнул створки окна, высунулся наружу:

— Чего орешь, весь поселок разбудишь!

Незнакомец в форме сержанта милиции перешагнул через низенький заборчик, отделяющий мой импровизированный палисадник от крыльца.

— Привет! — протянул он руку.

— Здорово! — Свесившись через подоконник, я пожал его крепкую мозолистую ладонь. — Чего случилось?

— Железнодорожный мост через Иланку взорвали. Начальник РОВД велел поднять весь личный состав по тревоге, так что ноги в руки — и в райотдел!

— Ты меня не подвезешь? — спросил я, кивая на «уазик», на котором приехал сержант.

— Ножками добежишь, не барин. Мне еще остальных поднимать надо.

Я закрыл окно и стал собираться на работу. На календаре было восемнадцатое июня 1983 года, второй день моей службы в Верх-Иланском РОВД.

К шести утра в актовом зале районной милиции собрался почти весь личный состав РОВД. Перед нами выступил мой непосредственный шеф, начальник уголовного розыска Казачков.

— Все знают железнодорожный мост через Иланку? — спросил он.

В зале согласно загудели. Один я ничего не знал. Немудрено. Я еще не освоился в районе, не поездил по деревням, я даже на берег реки еще ни разу не сходил. Иланка протекала через улицу от моего барака, но у меня пока не возникало желания посмотреть, в какую сторону она течет.

— В половине четвертого утра через мост прошел тепловоз, — продолжил Казачков. — Мост все помнят? Там два пролета. Как только тепловоз пересек опору между пролетами, она взорвалась. Тот пролет, что со стороны деревни Силено, упал в реку. Больше я ничего не знаю.

— Вадим Алексеевич, — раздался голос из зала, — какому дебилу понадобилось наш мост взрывать? По нему последний состав прошел лет двадцать назад. Я еще пацаном был...

— Я вижу, — повысил голос Казачков, — с тех давних пор ты несколько не поумнел! Я русским языком сказал, что больше ничего не знаю! Мост взорвали, наше дело — установить виновных. Сейчас разделимся на группы и на автобусах выдвинемся на место происшествия. Всем взять дежурные папки: будем опрашивать всех поголовно, кто под руку подвернется. И еще! Сейчас на место происшествия слетится начальство всех мастей. Если увидите хорошо одетого незнакомого человека, постарайтесь держаться от него подальше. С начальниками общаться буду я. Ваше дело — выполнять мои указания.

К мосту я ехал в одном автомобиле с Казачковым. По дороге он рассказывал:

— Когда-то, еще перед войной, за деревней Силено стали добывать щебень. На грузовиках много щебенки не вывезешь, вот и проложили от города до карьера одноклейную железнодорожную ветку. Лет пятнадцать или двадцать назад карьер закрыли, железную дорогу законсервировали. Зачем кому-то понадобилось взрывать мост, я ума не приложу.

— Его точно взорвали? — недоверчиво спросил я. — Может быть, он сам от старости рухнул?

— Машинист по рации сообщил, что взорвали.

— Если карьер не работает, то зачем ночью в его сторону тепловоз гонять?

— Приедем на место — узнаем.

— Андрюха! — повернулся ко мне оперативник, фамилию которого я еще не запомнил. — Ты нам покажешь класс, как надо работать! Давно хотел посмотреть, как городские опера преступления раскрывают.

Все в салоне издевательски захохотали. Для местных ментов я был еще чужаком, темной лошадкой, неизвестно за что сосланной из областного центра в отдаленный поселок.

У самого моста дорогу нам преградили солдаты с автоматами наперевес.

— Кто такие? — нарочито грубо спросил старший наряда, невыспавшийся прыщавый ефрейтор-срочник.

— Я сейчас выйду из машины, дам тебе в рыло, и ты научишься звездочки на погонах считать, — прорычал через опущенное стекло Казачков.

— Выходи! — охотно согласился ефрейтор. — Поговорим.

Стоявшие рядом с ефрейтором солдаты направили на нас стволы автоматов.

«Кто его знает, что у них на уме? — подумал я. — Откроют огонь на поражение, от нашего «уазика» только дырявое решето останется. А вдруг это не солдаты, а переодетые диверсанты? Тогда нам хана. Свидетелей они не оставят».

— Что там у вас? — раздался строгий голос со стороны припаркованного у дороги армейского грузовика. — Кого вы остановили?

— Товарищ лейтенант! — обернулся к грузовику ефрейтор. — Здесь какие-то подозрительные личности в милицейской форме. Документы показывать отказываются. Вдруг это те самые диверсанты, что мост взорвали?

— Какие еще диверсанты, что ты мелешь! — К нам подошел лейтенант с артиллерийскими эмблемами в петлицах. — Здравия желаю, товарищи! Предъявите документы.

— С этого бы и начинали, — недовольно пробурчал Казачков.

Лейтенант мельком глянул на его удостоверение и разрешил проехать к объекту.

— Серьезные дела творятся в нашем ауле, — заметил высмеявший меня опер. — Если солдаты успели все дороги перекрыть, то мост и вправду взорвали. Вадим Алексеевич, — обратился он к Казачкову, — мы без оружия выехали, а тут дело пахнет керосином!

— Глаза разуй! — огрызнулся начальник уголовного розыска. — Направо посмотри. Там солдат не меньше роты стоит, все с автоматами. Или ты от них отстреливаться собрался?

Словоохотливый опер обиженно замолчал.

У обрывистого берега реки мы остановились, вышли из автомобиля. Метрах в тридцати от нас, рядом с железнодорожным полотном, в группе штатских мужчин стоял начальник верх-иланской милиции майор Гордеев. Заметив нас, он показал на тропинку, ведущую к реке. Мы, повинувшись его безмолвному указанию, спустились вниз.

— Вот как его взорвали! — воскликнул Казачков, рассматривая разрушенный мост. — Теперь не скоро пролет на место вернут. Мощный кран надо подгонять, лебедки устанавливать.

Я с любопытством неместного жителя крутил головой налево и направо, осматривая и мост, и крутые берега реки. Пейзаж был красивым, рухнувший пролет моста впечатлял.

Водная артерия Иланка называлась рекой, но на деле была неширокой мелководной речушкой. В том месте, где мы стояли, ширина речушки была не больше тридцати метров. Судя по тому, как ее уверенно переехал армейский грузовик, глубина Иланки не превышала метра. Оба берега реки были обрывистыми, что и потребовало возведения моста. Сам мост был трехопорным: две невысокие опоры сливались с берегами, одна посередине русла. Пролет моста с нашей стороны слетел с опоры и одним концом лежал в реке.

— Что я вам сейчас расскажу, в осадок выпадете! — весело сказал спустившийся к нам Гордеев. — Ни за что не догадаетесь, зачем тут ночью тепловоз прошел. Я даже представить не мог, что у нас на железной дороге такой бардак творится. Прикиньте, вечером на станцию к машинисту запасного тепловоза пришла любовница. Она говорит ему: «Со школьной скамьи мечтала на тепловозе ночью покататься!» Машинист

не придумал ничего лучшего, как перевести стрелку и проехать по нашей ветке. Думал за часок сгонять туда-обратно, а тут мост под ним взорвался. Стоит теперь, бедолага, на том берегу, не знает, что дальше делать.

— Раньше, чем мост починят, ему отсюда не перебраться, — усмехнулся Казачков. — Ничего не скажешь, ублажил любовницу. Что с ним теперь будет?

— Вкатают трешку за угон тепловоза и про любовницу не забудут.

— Семен Григорьевич, — спросил я, — установили, что с мостом?

— Взорвали, — уверенно ответил Гордеев. — Взрывотехники из КГБ осмотрели опоры, говорят, никаких следов свежего минирования нет. Взрыв был не сильный, но точно рассчитанный.

С той стороны реки раздался глухой ружейный выстрел. Через секунду рваной нитью застрочили автоматные очереди.

— Началось! — воскликнул озабоченный отсутствием оружия опер. — Диверсантов ловят?

— Какие, на хрен, диверсанты. — Гордеев с досады сплюнул в реку. — По-твоему, иностранные шпионы мосты минируют с охотничьими ружьями в руках?

— Ложись, сукин сын! — кричали на том берегу. — Сдавайся! Поднимай руки вверх и иди к нам!

— Нет желающих сходить на тот берег, посмотреть, что там к чему? — спросил начальник милиции. — Мыльников, ты у нас самый любопытный, так что давай, река тут неглубокая, воды не нахлебашься.

— Семен Григорьевич, — заканючил мой обидчик, — а почему я-то? У меня туфли на скользкой подошве, я по камням не пройду.

— Вперед! — скомандовал Казачков. — Лишних

вопросов не задавать, в перестрелку с диверсантами не вступать.

Поняв, за что наказан, опер полез в воду. Через пару минут, перейдя реку вброд, он выбрался на противоположный берег, поднялся на обрыв и скрылся из виду.

— Лаптев, — обратился начальник милиции ко мне, — ты парень городской, язык у тебя хорошо подвешен, как не опростоволоситься с областными тузами, знаешь. Останешься с Казачковым, будете у опоры моста прохаживаться, с умным видом следы преступления искать. Остальные за мной! Будем подворный обход в деревне делать.

Мы с начальником уголовного розыска пошли вдоль берега реки, у опоры остановились.

— Смотри, кто-то свастику нарисовал, — сказал Казачков, указывая на среднюю опору. — Не имеет ли она отношения к взрыву?

— Ага, — с ехидцей согласился я, — в свастике вся суть. Только я вижу под ней надпись: «Манька шлюха!» — а у самого верха опоры кто-то слово из трех букв зеленой краской написал. На веревке человек спустился, шею свернуть рисковал, а все ради чего? Ради одного-единственного слова, в которое вложен яростный порыв бесшабашной русской души.

— Зря ты так, — не то шутя, не то нравоучительно возразил Казачков. — Все может иметь отношение к делу.

— Бесспорно! — подражая тону начальника, согласился я. — Пришел Манькин ухажер, прочитал, что про его зазнобу пишут, и взорвал опору. Ночью динамит заложил и рванул.

— Но кто-то же взорвал мост! — логично возразил мой начальник. — Какой-то смысл в его действиях был. Это же не курицу у соседки украсть, тут надо специ-

альные познания иметь. Возьми меня — я не знаю, с какого конца детонатор в тол вставлять.

— Я тоже не знаю, — с сожалением вздохнул я. — Мне все время интересно, зачем люди с краской идут пешком за много километров, чтобы на заброшенном здании или тут, на мосту, намалевать пару слов. Кто их читать будет?

— В поселке на стенах матерки писать не станешь, а здесь — в самый раз!

Казачков призадумался, достал сигарету, закурил.

— Я, кажется, знаю, про какую Маньку речь идет, — осторожно предположил он. — Она в соседней деревне живет, смазливая такая, глазки черные, как два уголька. Замужем. Не знал, черт возьми, что она, оказывается, вертихвостка. Про порядочную женщину такого не напишут!

На полном ходу с противоположного берега в воду влетел армейский «Урал». Подняв фонтаны воды, грузовик пересек реку и, не останавливаясь, взобрался на крутой косогор. Через минуту к нам спустился приехавший на грузовике Мильников.

— Туфта полная! — размахивая руками, затараторил он. — Мужик из деревни пошел на болото уток пострелять, все утро в засаде просидел, ни одного выстрела не сделал. Идет назад, а ему навстречу солдаты с автоматами. Мужик от страха нажал на курок, пальнул в землю, тут и началось! Но это еще не все! Наш, верх-иланский, молоковоз мимо проезжал. Водитель с экспедиторшей решили в кустах прилечь, поразвлечься, а тут — солдаты! Подняли их, прикладами в свой грузовик загнали.

— Куражатся солдатика, — сказал я. — В казарме скучно сидеть, а тут такое бесплатное развлечение! Будет что после дембеля вспомнить.

— Ты вот что, — обратился к Мыльникову начальник уголовного розыска, — беги в деревню, доложи обо всем Гордееву. Молоковоз надо на завод гнать, а то молоко пропадет.

— Почему опять мне? — запротестовал опер. — Я вымок весь, туфли разъехались. На мне места живого нет, и мне же в деревню бежать?

— А кто побежит, я, что ли? — наехал на опера Казачков. — Лаптев не местный, пока он деревню найдет, все молоко скиснет. Шуруй к Гордееву, умник хренов!

Матерясь через слово, опер полез на край обрыва.

Не успел он скрыться из виду, как со стороны леса раздался оглушительный рокот и свист лопастей, пересекающих воздух. Медленно и величественно над нашими головами прошел военный вертолет «Ми-8». Сделав круг над мостом, он застыл на одном месте, круто развернулся и умчался прочь. Стоило ли прилетать ради пары минут у взорванного объекта?

— В первый раз в наших краях вертолет вижу, — заметил Казачков.

Я хотел сказать, что в городе вертолеты тоже не каждый день летают, но заметил людей на мосту и промолчал.

— Это кто такие? — удивился Казачков. — Уверенно идут. Ремонтники, что ли? Да нет, не похоже.

Трое мужчин по уцелевшему пролету дошли до взорванной опоры, осмотрели ее, сфотографировали и тем же путем вернулись назад. Через полчаса нам командовали: «Отбой». Так ничего и не поняв в ночном происшествии, мы снялись с места и уехали в поселок.

Правда до нас дошла через неделю. Оказывается, взрыв моста был отголоском давних военных лет. В 1941 году, во время летнего наступления, немцы

уверенно захватывали автомобильные и железнодорожные мосты. Ни один из них не был заминирован. Проанализировав результаты поражения, Генеральный штаб РККА издал приказ о минировании всех мостов на опасных направлениях. Каким-то образом в разнарядку попал мост через речушку Иланку, протекающую в глухой сибирской провинции. Заминировать-то мост заминировали, а снять взрывчатку позабыли. Прошло много лет, оплетка на контактах взрывателя рассохлась и опала, оголив провода. По мосту пронесся случайный тепловоз, взрыватель вздрогнул, контакты соединились, и детонатор сработал. Удивительное дело: аккумулятор, гарантийный срок которого не превышал одного года, оставался в рабочем состоянии больше сорока лет!

С тех пор, проезжая по любому мосту через реку, я невольно шепчу про себя: «Спокойнее! После взрыва на Иланке все мосты в стране проверили. Бояться не надо. Никаких мин тут нет!»

Мой второй рабочий день в Верх-Иланском РОВД выдался насыщенным и ярким. После него потянулись серые однообразные будни.

2

В понедельник, 29 августа 1983 года, меня вызвал Гордеев. За приставным столиком у него сидели замполит отдела Зайцев и мой непосредственный шеф Казачков.

— Как жизнь, как настроение? — Гордеев жестом предложил мне сесть напротив замполита.

— Интересно, — усмехнулся я, — кто-нибудь у Ленина спрашивал в Шушенском, как у него дела?

— Оставь Ленина в покое, — автоматически пресек дальнейшее развитие темы замполит.

— Так всегда! Стоит мне провести параллель между Верх-Иланском и Шушенским, как мне тут же затыкают рот.

— Я вижу, ты стал веселее, чем в первые дни. — Гордеев достал сигареты, закурил.

— В первые дни меня глодала вселенская тоска. Скажу вам честно, я никогда себя так плохо не чувствовал, как два месяца назад. Это был просто ужас! Тоска, ностальгия по городу, по высоким домам, по асфальтированным улицам, по трамваям, по киоскам «Союзпечати». Тогда я для себя решил, что если в первый год не сопьюсь и не сойду с ума, то буду считать, что я с честью выдержал самое суровое испытание в моей жизни.

— Что-то я не замечал, чтобы ты приходил на работу с похмелья, — серьезно заметил Казачков.

— Я в городе жил в рабочем общежитии. Там каждый выходной — пьянка до потолка. Если бы имел тягу к спиртному, я бы там спился. Поводов выпить в общежитии — предостаточно. Кстати, я тут, в ссылке, оказался из-за показаний одного алкоголика на кадровой комиссии областного УВД.

— Что ты постоянно бравируешь ссылкой! — раздраженно бросил замполит. — Никто тебя никуда не ссылал, тебя просто перевели на новое место работы¹.

— Семен Григорьевич свидетель, как меня «переводили»! Со мной на кадровой был мой друг, самый

¹ Подробнее о причинах «ссылки» Андрея Лаптева в поселок Верх-Иланск — в книге Г. Сорокина «Смерть со школьной скамьи».

опытный инспектор уголовного розыска в нашем рай-отделе. Так вот, его «перевели» на гражданку. По собственному желанию. У нас выбора не было.

— Жестко с вами поступили, ничего не скажешь! — подтвердил Гордеев.

— Честно вам скажу, — как пылкий комсомолец, я прижал правую ладонь к сердцу, — если бы мне предложили остаться инспектором ОУР в городе или перевестись сюда начальником РОВД, я бы выбрал город. Поймите меня правильно — я родился и вырос в городе. Я всегда буду в сельской местности инородным телом. Я сижу иной раз, слушаю, как коллеги обсуждают, что в магазине нет сахара варенье варить, и мне дико становится. Я не ем варенье. Мне не нужно ведро смородины. Я никогда в жизни, по доброй воле не стану обрезать усы у клубники. Я не понимаю смысла: зачем в огороде делать компостную кучу, если в каждом дворе есть корова?

— Оставим сельскохозяйственную тему, — предложил замполит. — Как ты устроился на новом месте? С соседями познакомился?

— Леонид Павлович! Я в школе милиции четыре года на казарменном положении прожил. Для меня комната в бараке — вполне сносное жилье. Тем более у моей комнаты отдельный выход на улицу. Даже крылечко есть.

— Ты еще палисадник под окнами не разбил? — засмеялся Казачков.

— Ни за что! Пусть под моими окнами растут сорняки. Я поклонник дикой природы. Растет у меня за окном хрен — пусть растет! Его поливать не надо. Осенью выкопаю и съем.

— Жениться еще не надумал? — По интонации начальника я понял, что это был последний вопрос на

отвлеченную тему. Дальше должен последовать серьезный разговор.

— Не на ком! Как полюблю какую-нибудь доярку, так предложу ей руку и сердце.

— Что скажешь нам насчет гражданки Сурковой? — уже серьезно спросил Гордеев.

— Гражданка Суркова Инга Михайловна, 1956 года рождения, уроженка Красноярского края... вы про нее спрашиваете?

— Продолжай, — велел Гордеев.

— Я не знаю, что про нее рассказывать. Я жил с ней в одном общежитии, у нас были общие знакомые. Или вас интересуют ее отношения с покойным начальником Заводского РОВД Вьюгиным?¹

— Она за что судима? — спросил замполит.

— Она не судима, я проверял.

— А как же все эти наколки? — Замполит провел у себя перед глазами.

— Инга в тринадцать лет убила свою мать и до совершеннолетия была изолирована от общества в спецучилище для девочек-преступниц, которые на момент совершения преступления не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности. Все наколки она нанесла в спецучилище. Если вас конкретно интересуют ее веки, то на них наколото «Не буди!».

— Какие у нее отношения были с Вьюгиным? — деловым тоном спросил Гордеев.

— Через несколько лет после освобождения из спецучилища Инга познакомилась с Вьюгиным и стала его

¹ Подробнее о самоубийстве Вьюгина, о взаимоотношениях супругов Вьюгиных — в книге Г. Сорокина «Смерть со школьной скамьи».

агентом-осведомителем. Ее рабочее дело должно храниться в ИЦ областного УВД. Если хотите, я могу запросить документы из архива и произвести ее повторную вербовку.

— Поговаривают, ты у нее не один раз ночевать оставался? — осуждающе спросил замполит.

Я через стол перегнулся к замполиту. Разговоры на личные темы всегда выводили меня из равновесия, но в присутствии руководства райотдела я не мог дать волю чувствам.

— Леонид Павлович, через гражданку Суркову я собираю сведения о преступном мире поселка Верх-Иланск. Ночью собираю или днем — это никого не касается.

— На тебя донос поступил, — вернул меня на место замполит. — Уважаемый человек пишет, так, мол, и так, ваш новый инспектор уголовного розыска спит с бывшей зэчкой. Здесь не город, Андрей Николаевич! Здесь с женщинами надо быть очень осторожным. А с такими, как Суркова, лучше всего общаться в официальной обстановке.

— Много он в официальной обстановке нарабатывает! — заступился за меня Казачков. — Работа сыщика в том и состоит, чтобы общаться с преступным элементом на его территории, а не в служебном кабинете. Если Лаптев запросит ее рабочее дело и произведет вербовку Сурковой в установленном порядке, я думаю, что все вопросы к нему должны отпасть сами собой.

— Андрей Николаевич, где работает Суркова? — спросил Гордеев.

— Полы моет в Доме культуры.

— В ДК работают шесть детских секций. — Гордеев призадумался, про себя прикинул перспективы предстоящей вербовки Сурковой.

— Ее можно оформить агентом по линии несовершеннолетних, — предложил Казачков. — У нас как раз на этой линии яма получилась — два предыдущих агента сами сели. Я думаю, стоит санкционировать Лаптеву вербовку его знакомой.

— После праздника вернемся к этому вопросу, — подвел итог Гордеев. — Пока у нас на носу небывалые торжества.

— Какие торжества? — удивился я. — Праздник сбора урожая?

— Поумничать решил? — раздраженно спросил замполит.

— Отнюдь! В городе в сентябре месяце никаких праздников нет, а здесь, в сельской местности, вполне могут быть. Здесь, в Верх-Иланске, так праздновали День молодежи, что я на всю оставшуюся жизнь запомнил, а в городе я про такой праздник вообще не слышал!

Казачков после моих слов скривил губы, мол, с какого дикого края ты приехал, братец! Как же это так, не слышать о Дне молодежи? Главный летний праздник на селе. Круче, чем 9 Мая.

— Андрей Николаевич, ты газопровод видел, который из Томской области на Алтай тянут? — спросил Гордеев. — Одну ветку газопровода забросят к нам в поселок, и в Верх-Иланске появится собственный газ.

Я молчал, не понимая, куда он клонит. Ну и что с того, что в поселке все котельные переведут с угля на газ? Вселенский праздник устроим по этому поводу?

— В этом году на пенсию по состоянию здоровья уходит наш первый секретарь райкома партии Мирош-

ниченко Антон Антонович. Фронтовик, ветеран, орденосец. Заслуженный человек. По его инициативе в поселке у памятника воинам, павшим в Великой Отечественной войне, первого сентября будет зажжен Вечный огонь.

— Понятно, — наконец-то догадался я. — Если есть источник бесперебойного газоснабжения, то можно зажечь Вечный огонь и оставить о себе вечную память в сердцах верхиланцев.

— Не надо все так утрировать, — вновь вступил в беседу замполит. — Он не в честь себя Вечный огонь зажигает, а в память обо всех погибших на войне.

— На открытие Вечного огня съедутся представители ветеранских организаций со всей области, — продолжил Гордеев. — От нас требуется образцовое обеспечение охраны общественного порядка.

— А почему мероприятие запланировано на первое сентября? Почему бы не зажечь Вечный огонь 9 Мая, в День Победы?

— До 9 Мая Мирошниченко не дотянет, а первое сентября — подходящая дата, день начала Второй мировой войны.

— Все это, конечно, очень здорово: праздник, Вечный огонь, пионеры с цветами, растроганные ветераны, троекратный салют холостыми патронами... Только при чем тут я?

— Тебе, Андрей Николаевич, надо составить план по охране общественного порядка.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А я-то здесь при чем? У нас же есть в отделе инспектор по организации охраны общественного порядка, пускай он план и составляет. Я — сыщик, мое дело — воров ловить, а не стрелки на ватмане рисовать.

— Я не могу доверить составление такого важного плана штатному инспектору, — тоном, не терпящим возражений, заявил Гордеев. — Он нам такого наставляет, что, случись какое происшествие, нас всех с работы выгонят. Мне нужен свежий реальный план, а наш инспектор одно и то же из года в год переписывает.

— Ты единственный в отделе, у кого есть высшее специальное образование, — вставил замполит. — Вспомнишь, чему тебя в школе милиции учили, и нарисуешь нам новый красивый план.

— У тебя по спецтактике какая оценка была? — спросил Гордеев.

— При чем тут спецтактика? Мы же не антиправительственную демонстрацию разгонять собираемся, а общественный порядок охранять. — Перспективы увязнуть в чужой работе совсем не радовали меня. — План по охране порядка совсем по-другому составляется.

— Андрей Николаевич, пройдут мероприятия, я тебе хорошую премию выпишу. Будет с чем к Сурковой зайти, когда ее вербовать надумаешь! — Гордеев первым засмеялся, мужики поддержали его.

Я вздохнул — план так план! За два вечера составлю.

— Кстати, — просмеявшись, спросил Казачков, — когда в этом году картошку копать будем, до дождей успеем?

— Должны успеть! — Замполит пододвинул к себе пепельницу, достал сигареты. — Надо только с транспортом вопрос заранее решить, а то получится неразбериха, как в прошлом году.

Я забрал свой ежедневник со стола и пошел работать.

Ответственным за проведение церемонии зажжения Вечного огня от Верх-Иланского райкома партии был назначен инструктор райкома Заборский Николай Иванович. Во вторник утром я позвонил ему, чтобы согласовать основные мероприятия по охране общественного порядка.

— Я выслал вам наш план-сценарий по почте, — огорошил он меня.

Ну да ладно! Я парень не гордый, могу ногами поработать, если того требуют интересы дела.

Я вышел из райотдела, перешел через центральную площадь поселка, вошел в райком партии, нашел дверь с табличкой «Отдел идеологической работы». Постучался. Вошел.

В кабинете было два стола. За первым сидел мужчина лет сорока, седовласый, породистый, в костюме в серую полоску, при галстуке. За вторым столом, шевеля губами, вычитывала текст худощавая женщина неопределенного возраста, с короткой стрижкой, одетая в деловом учрежденческом стиле: белый верх, черный низ. Неопределенным возрастом и белой блузкой без декоративных излишеств она напоминала строгую классную даму из кинофильмов о дореволюционной жизни девочек-гимназисток.

— Здравствуйте! — Я подошел к мужчине. — Меня зовут Лаптев Андрей Николаевич. Я пришел к вам за планом мероприятий по зажжению Вечного огня.

Если бы я сказал Заборскому, что настоящим отцом его является товарищ Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, главный идеолог партии, то у него было бы такое же удивленное выражение лица. Невидан-

ное дело в здешних краях — лично за бумагами приходить!

— Я выслал вам план в установленном порядке, — растерянно пробормотал он.

— Товарищ Маяковский в одном своем стихотворении призывал трудящихся: «Ударь бюрократа кувалдой в лоб, вышиби дурь с него, сделай мир чище!»

— Молодой человек, — вступила в разговор дама, — во-первых, не стойте ко мне спиной, это некультурно. Во-вторых, я являюсь специалистом по творческому наследию Владимира Владимировича Маяковского. Ничего подобного он не писал.

— Если не писал, значит, думал написать! — Я сделал шаг назад, так, чтобы не стоять к даме спиной. — Вы чем здесь занимаетесь, товарищи? Вы мне *план* по почте послали или *меня* послали куда подальше? Ваш план из почтового отделения Верх-Иланска отвезут на сортировку в город, на главпочтамт, оттуда пришлют назад, сюда, в Верх-Иланск. Вся пересылка займет как минимум дней восемь. Я работаю от вас в трех шагах, у меня телефон есть.

— По инструкции мы должны отправлять служебные документы или курьером, или по почте, — упорствовал Заборский.

— Так в чем же проблема, Николай Иванович? Взяли бы план и принесли его мне лично.

— Молодой человек, — дама окончательно забросила читку текста и переключилась на меня, — это вы тот новенький инспектор уголовного розыска, которого к нам из города перевели? Скажите, вы в городе так же хамили всем подряд или в некоторых местах старались соблюдать правила приличия?

— Прошу прощения, не имею чести знать, как вас зовут! — Я изобразил легкий полупоклон в ее сторону.

— Меня зовут Бобоева Людмила Александровна, я тоже инструктор идеологического отдела. Вы не ответили на мой вопрос, товарищ Лаптев.

— Я всегда был очень культурным и вежливым человеком, но однажды мне на ногу упал кирпич, и я не смог проконтролировать свои эмоции. Мимо шла жена одного большого начальника. Она обиделась на меня, пожаловалась мужу, и меня выслали набираться ума-разума в главный культурный центр Западной Сибири — поселок Верх-Иланск. А здесь...

Как актер самодеятельного театра, я картинно развел руками, выждал секундную паузу и уже серьезным тоном, с оттенком скрытой угрозы, продолжил:

— ...здесь явно надуманные бюрократические препоны препятствуют претворению в жизнь мероприятий, одобренных *лично* товарищем Мирошниченко! — Я показал пальцем в потолок, хотя кабинет Мирошниченко находился на этом же этаже. — Мне сходить пожаловаться Антону Антоновичу или мы придем к разумному компромиссу?

— Что вы от нас хотите? — нахмурившись, спросил Заборский. — У меня остался всего один экземпляр плана. Я не могу отдать вам свой экземпляр.

— Да не нужен мне *ваш* план! — воскликнул я. — Пойдемте на улицу, и вы на месте расскажете мне, где и какие мероприятия будут проходить. Сегодня хорошая погода. Самое время пройтись по родному поселку, выветрить из себя кабинетную пыль.

— Николай Иванович, — дама встала, одернула юбку, — пойдемте! Молодой человек прав, зачем делать проблемы там, где их нет?

— Вы будете записывать за нами? — поинтересовался Заборский. — Вам дать блокнот?

— Да нет. — Я даже опешил от его вопроса. В первый миг я подумал, что он так иронизирует, потом догадался, что Заборский говорит совершенно серьезно.

— Постараюсь так все запомнить, а если что-то надо будет уточнить, то вечером перезвоню вам или сам прибегу. Здесь, от меня до вас, метров пятьдесят, не больше.

Нехотя, всем своим видом демонстрируя, что занимается избыточной, ненужной работой, Николай Иванович взял папку с бумагами и первым вышел из кабинета. Бобоева подкрасила губы перед зеркалом, накинула легкий плащик и, постукивая каблучками, выпорхнула следом.

У приемной Мирошниченко Людмила Александровна остановилась.

— Надежда Петровна, — обратилась она к секретарю Мирошниченко, — отметьте, пожалуйста, мы с Николаем Ивановичем пошли на «выездное» мероприятие.

Бобоева обернулась, посмотрела на меня.

— Сегодня мы будем работать с комсомольским активом нашего РОВД.

На улице Людмила Александровна взяла меня под руку. Кожа на кисти руки у нее была еще гладкой, но вся в синих прожилках вен и мелких, едва намечающихся пигментных пятнах.

«Ей примерно сорок пять, — прикинул я. — Наверняка не замужем. Если она действительно специалистка по творчеству Маяковского, то представляю, какой у нее бардак в голове».

Мы вышли на середину центральной и единственной площади Верх-Иланска.

— Первая часть мероприятий начнется у памятника воинам, павшим в боях Великой Отечественной войны, — как заправский экскурсовод, хорошо поставленным голосом начала вводить меня в курс дела Бобоева. — Пройдемте к нему.

Мы пересекли площадь, остановились у небольшого сквера. Памятник погибшим воинам был бетонным безвкусным изваянием метра четыре высотой. У его подножия, на постаменте из шлифованного мрамора, сверкала на солнце латунная звезда с отверстием горелки посередине.

— Вокруг памятника буквой «П» мы построим школьников старших классов и пионеров. — Людмила Александровна обвела рукой пространство вокруг постамента. — Здесь отдельной группой будут стоять приглашенные со всей области ветераны, а вот здесь — делегация от наших верх-иланских ветеранов. Официальные лица и товарищ Мирошниченко встанут напротив памятника. Все желающие присутствовать при церемонии зажжения Вечного огня разместятся позади школьников и ветеранов. Угол слева от памятника мы зарезервировали для представителей областного радио и телевидения.

— Оркестр встанет справа у входа в сквер, — уточнил Заборский.

— Кто будет зажигать Вечный огонь? — спросил я.

Райкомовские инструкторы, пряча снисходительные улыбки, переглянулись. В их взглядах читалось: «Вот ведь деревенщина, а строит из себя черт знает кого!»

— Вечный огонь будет зажигать товарищ Мирошниченко.

— Я сейчас объясню вам, для чего это спрашиваю. — Я подошел к латунной звезде, заглянул внутрь. — Я регулярно прохожу мимо этого памятника,

но еще ни разу не видел, чтобы здесь шли земляные работы. Как заливали постамент и устанавливали звезду, я видел, а вот чтобы тут рыли траншею и укладывали трубы — нет. Каким образом будет зажжен Вечный огонь, если к нему не подведен газопровод?

— Газопровод к первому сентября мы провести никак не успеем. — Заборский достал сигареты, угощая, протянул пачку мне. — Вечный огонь мы зажжем от газового баллона.

— В сквере мы разобьем палатку, — уточнила Бобоева, — из нее пробросим шланг и подключим газ по временному каналу.

— А насколько это будет надежно? — с сомнением в голосе спросил я. — А как вы собираетесь определить, в какой момент подать газ? Представьте, Мирошниченко замешкается у постамента, подойдет к звезде с зажженным факелом, а из земли уже фонтаном бьет невидимый газ.

Бобоева и Заборский посерьезнели. Николай Иванович щелчком отшвырнул недокуренную сигарету, Людмила Александровна поправила отворот блузки.

— Мирошниченко семьдесят восемь лет, он ходит, опираясь на тросточку.

Я присел у звезды, попробовал определить, откуда будет поступать газ в горелку, но ничего в ее устройстве не понял.

— Представьте, — выпрямился я, — как у всех на глазах первый секретарь райкома партии вспыхнет живым факелом. Или взорвется.

— Газовики обещали нам идеальную синхронность в подаче газа и...

— Вот здесь, — перебил я Бобоеву, — возле столба, надо поставить некую тумбу. На нее встанет человек и

сверху, через головы всех собравшихся, будет наблюдать, как Мирошниченко подходит к огню.

Я отошел от постамента, встал на место, откуда в четверг главный партийный босс Верх-Иланска начнет свой путь к Вечному огню.

— Итак, он двинулся! — Я сделал несколько шагов. — Человек на тумбе подал знак газовикам в палатке: «Приготовиться!»

Заборский достал из папки лист бумаги и стал записывать за мной.

— Здесь стоят два пионера с зажженными заранее факелами. — Я показал на место, где должны стоять пионеры.

— У нас в сценарии нет пионеров, — заметил Заборский.

— Ваш сценарий плохо проработан. Отведя Мирошниченко в церемонии зажжения Вечного огня центральную роль, вы не продумали вопрос: как с зажженным факелом хромой старик будет идти через всю площадь? Кто ему зажжет факел? Вы, Николай Иванович, будете спичками чиркать?

— Николай Иванович, а ведь товарищ Лаптев дело говорит, — согласилась с моими доводами Бобоева. — Давайте сделаем так: Антон Антонович подойдет к пионерам, «прикурит» от их факелов свой, и ему останется сделать до Вечного огня только пару шагов.

— Как только он «прикурит» свой факел, — сказал я, — человек на тумбе даст газовикам знак открыть вентиль, газ поступит в горелку, и Мирошниченко зажжет Вечный огонь без всяких никому не нужных эксцессов.

— Так я записываю? — обратился к нам Заборский. — Двое пионеров в парадной форме держат заранее зажженные факелы...

— Нет-нет! — возразила Бобоева. — Вместо пионеров надо будет поставить комсомольцев. На детей в важных мероприятиях никогда нельзя надеяться: то они писать захотят, то устанут факел держать.

«Своих детей у нее нет, — автоматически отметил я. — Кто хоть раз бегал по закоулкам, искал, куда пристроить захотевшего в туалет ребенка, тот никогда не скажет, что это произошло не вовремя. У детей все происходит не вовремя — на то они и дети».

— Поставим вместо пионеров активистов из рабочей молодежи, — согласился Заборский.

При слове «активисты» я невольно поморщился. Ничего хорошего за свою жизнь я от активистов не видел. Проблем они создают много, а толку от них — никакого. Суета одна, показуха, шум, понты!

Закончив планирование на месте будущего Вечного огня, мы перешли на другую сторону площади, где стоял Дом культуры.

— Сколько я ни смотрю на этот Дом культуры, — обратился я к партработникам, — никак не могу понять, зачем в таком небольшом малоэтажном поселке, как Верх-Иланск, построили такое огромное помпезное сооружение. Здесь оно смотрится как пирамида Хеопса посреди заполярной тундры.

— Наш ДК строили в сталинские времена, с заделом на будущее, — охотно стала пояснять Бобоева. — По генеральному плану развития Верх-Иланского района наш поселок должен был разрастись до размеров города с населением в пятьдесят тысяч.

— А что случилось, почему население перестало прибывать? — спросил я.

— Сталин помер, — усмехнулся Заборский.

— А если серьезно?

— Так я серьезно и отвечаю! Сразу же после войны недалеко от нашего поселка было три большие исправительно-трудовые колонии, или зоны, как говорят. Первая — сельскохозяйственная колония общего типа, вторая — лесоповальная зона для особо опасных преступников и третья — колония с основным упором на производство строительных материалов и кирпичей. «Строительная» зона имела свой глиняный карьер и завод с двумя цехами по изготовлению и обжигу кирпичей. На третьей зоне и в карьере работали пленные немцы. После смерти Сталина и двух амнистий пятидесятых годов лесоповальную зону прикрыли — работать на ней стало некому. Сельскохозяйственную зону преобразовали в совхоз «Заря коммунизма». В 1950 году всех военнопленных немцев отправили домой, и производство стройматериалов в нашем поселке также прекратилось. Но пока все три зоны процветали, в Верх-Иланске население только прибывало. Сам представь, — Заборский, незаметно для себя, перешел в обращении ко мне на «ты», — все сотрудники колоний и все члены их семей проживали тут. Плюс обслуживающий персонал, плюс гражданские специалисты. Когда зоны прикрыли, из Верх-Иланска выехало тысяч шесть-семь сотрудников МВД и членов их семей.

— Наш ДК, — вступила в разговор Бобоева, — по первоначальному типовому проекту назывался Дом культуры сотрудников НКВД и членов их семей. Начинали его строить ээки, а заканчивали пленные немцы. После расформирования строительной колонии документация на здание ДК была утеряна.

— Так в нем действительно может быть подземный

ход? — спросил я, по-новому рассматривая единственную местную достопримечательность.

— Да черт его знает, что в нем есть! — пожала плечами Людмила Александровна. — Документации же нет, поэтажный план утерян.

— Да нет в нем никакого подземного хода, — уверенно заявил Заборский. — Куда бы из него подземный ход вел?

— Мне рассказывали, — оживился я, — что по подземному ходу можно выйти из ДК в один из домов частного сектора рядом с ним.

— Не верь всякой ерунде, — отмахнулся от моих предположений Заборский. — ДК столько лет стоит, что давно бы уже все стало известно. Шила в мешке не утаишь! Хозяин частного дома, куда бы выходил подземный ход, давно бы проболтался.

— Николай Иванович, не будьте таким скептиком! — возразила Бобоева. — В потайные комнаты тоже никто не верил, однако все подтвердилось.

— Ничего не подтвердилось!

— У нас вот какое происшествие было, — стала рассказывать мне Бобоева. — Пять лет назад стали делать ремонт на цокольном этаже и решили расширить мужской туалет. Снесли стену между туалетом и подвалом и обнаружили потайную комнату, а в ней — замурованный мертвец. Вернее, кости.

— Людмила Александровна, — не желал сдаваться Заборский, — там комната всего два на два метра, и из нее никаких ходов никуда нет. Эту «комнату» специально эки сделали, чтобы в ней какого-то стукача замуровать. На любом крупном строительстве в сталинские времена авторитетные эки своих врагов жи-

вьем замуровывали. У мертвеца, которого в нашем ДК нашли, руки были связаны и кляп в рот вбит.

— Это примерно в каком году его замуровали? — спросил я.

— Первый этаж начали строить в 1939 году. Во время войны строительство прекратилась, а в 1947 году возобновилось. Где-то в эти годы нашего мертвеца и замуровали.

— А что с ним потом стало?

— Кости сложили в коробку да на кладбище закопали. Не на свалку же их везти!

Мы подошли к Дому культуры.

— Посмотри на фигуры строителей коммунизма на втором этаже, — предложил Заборский. — Особенно присмотри к человеку со знаменем.

По фасаду здания, над входом, был барельеф, на котором навстречу друг другу шли две группы людей по три человека. Слева первым шел знаменосец, за ним — женщина с копной пшеничных колосьев, за ними — шахтер с отбойным молотком на плече.

Бобоева вошла в ДК, а меня Заборский отвел на угол здания.

— Теперь посмотри на знаменосца отсюда! — сказал он и рассмеялся.

Под другим углом зрения было отчетливо видно, что знаменосец, держащий знамя в правой руке, левой рукой, опущенной вниз, гладит крестьянку по бедру.

— Эки строили, что ты хочешь! В народе эта композиция называется «Хитрый знаменосец».

— Здорово сделано, с душой!

— Пошли внутрь, там тебе еще один фокус покажу.

На вахте в ДК несла дежурство Кристина Ригель, старушка-немка из спецпереселенцев.

В Верх-Иланске проживало много немцев. Все они либо спецпереселенцы, либо их потомки. Спецпереселенцами называли советских граждан немецкой национальности, до войны проживавших на Украине и в Поволжье. С началом боевых действий с нацистской Германией всех немцев интернировали из западных районов СССР в Сибирь и Казахстан. На прежнем месте проживания не осталось ни одного человека. В начале 1960-х годов спецпереселенцам разрешили вернуться в европейскую часть Советского Союза. Но куда ехать, если от прежних домов либо ничего не осталось, либо они были заняты новыми хозяевами?

«Остаемся здесь, в Сибири!» — решили немцы.

Когда я учился в школе, у нас в каждом классе было как минимум по одному-два человека с немецкими фамилиями.

— Здравствуйте! — поприветствовал я вахтершу. — Кто будет первого числа дежурить?

— Я буду. Остальным надо детей в школу провожать.

— Пошли наверх, — сказала Бобоева, — наши мероприятия после зажжения Вечного огня продолжатся там.

Я осмотрел фойе Дома культуры: два входа в зрительный зал, буфетная стойка, спуск на цокольный этаж и лестницы наверх.

Второй этаж начинался с просторного холла. Внутреннюю стену, отделяющую холл от остальных помещений, украшала нарисованная по штукатурке картина, запечатлевшая выступление Ленина перед матросами, солдатами, крестьянами, комсомольцами

и революционерами в кожаных тужурках. Что-то, на первый взгляд незаметное, было в этой картине не так, что-то выбивалось из общей композиции.

— Как картина? — вполголоса, заговорщицким тоном спросил Заборский.

— Я уже видел ее и никак не пойму, что в ней не так.

— Мальчик и солдаты на заднем плане.

Я подошел поближе и едва не рассмеялся: мальчик в пионерском галстуке в самом углу картины держал в руках игрушечную космическую ракету с надписью «СССР». Два солдата, приветственно махавшие Ленину фуражками, были в военной форме образца шестидесятих годов.

— Что все это означает? — спросил я Заборского.

— Картину рисовал один известный художник. Она должна была изображать выступление Хрущева перед колхозниками. Когда в эскизном варианте картина была закончена и художник начал прорисовывать людей около трибуны, товарища Хрущева сняли со всех постов и отправили на пенсию. Тогдашний первый секретарь райкома партии товарищ Малько предложил все нарисованное затереть и создать новое панно, но этому воспротивился председатель райисполкома — деньги-то художнику уже уплачены, эскиз утвержден, на полную переделку в районной казне денег просто нет. Посоветовались с художником, и он предложил вместо Хрущева изобразить Ленина, а колхозников перерисовать в солдат и матросов.

— А почему решили поменять Хрущева на Ленина, а не на Брежнева? Пусть бы это Леонид Ильич перед колхозниками выступал.

— В 1964 году Брежнев был всего лишь одним из трех лидеров партии. Представь, нарисовали бы Бреж-

нева, а его через пару лет сменил бы Подгорный, или Косыгин, или еще кто-нибудь. Что, прикажешь картину под каждого нового генсека перерисовывать? Решили остановиться на Ленине. Он всегда актуален, он всегда живее всех живых.

— Дальше попробую сам сообразить... Художнику за переделку картины не заплатили, и он, в качестве мелкой мести, оставил несколько фигур в первоначальном варианте. Так?

— Молодец, отличная логика! — похвалил Николай Иванович.

— Картину обсуждаете? — подошла к нам Бобоева. — Все каверзы нашли?

— Два солдата и мальчик, — ответил я.

— И это все? Эх вы, а еще мужчинами называетесь! Присмотритесь к комсомолке в красной косынке — у нее губы накрашены и глаза подведены.

Я нашел комсомолку на панно и чуть не ляпнул: «Действительно, она размалевана, как дешевая проститутка!» — но, слава богу, вовремя осекся — товарищ Бобоева тоже пользовалась косметикой, и мое высказывание о проститутках могла бы неправильно истолковать.

— Вот здесь, в фойе перед малым залом, мы расставим столы для торжественного обеда в честь зажжения Вечного огня, — сказала Бобоева. — Приглашенными на обед будут представители ветеранских организаций области и наше районное руководство. Планируемое время обеда с 13 до 15 часов. Потом один час на перерыв, уборку зала, и в 16 часов мы накроем столы для верх-иланских ветеранов войны и представителей общественных организаций. Председательствовать на первой части товарищеского обеда будет товарищ Ми-

рошниченко, на второй — Паксеев Юрий Иосифович, председатель совета ветеранов Верх-Иланска.

Из дверей малого зала вышел Михаил Антонов, подрабатывающий в ДК электриком. На плече у него была рабочая сумка, в руках моток провода и пассатижи. Буркнув нам «здравствуйте», он ушел вниз, мимоходом одарив меня неприязненным взглядом. Понятия не имею, что могла сказать ему Маринка о наших отношениях, но я Антонову не нравился. Я же в свою очередь не стремился установить с ним нормальные отношения. Не нравлюсь я ему, да и плевать, кто он такой, чтобы я перед ним выгибался? Спал я с его дочкой, и что с того? Я ей клятву верности не давал и жениться на ней не обещал.

Михаилу Ильичу Антонову был 61 год. Ростом он на полголовы ниже меня, но в плечах заметно шире, приземистее. В его фигуре чувствовалась большая физическая сила ширококостного мужчины, много лет занимавшегося тяжелым физическим трудом. Кисти рук у Антонова были похожи на клешни краба — такие же большие и огрубевшие. На левой руке лагерная татуировка: восходящее солнце и подпись «Сибирь». Черты лица у Михаила Ильича были под стать всей остальной фигуре — крупные, грубые: большой мясистый нос, густые, как у Брежнева, брови, толстые губы. Я ни разу не видел Антонова улыбающимся или просто в хорошем настроении. Он всегда был мрачен, сосредоточен на чем-то своем, неприветлив и малословен.

22 июня 1941 года Антонов встретил в Челябинске, где работал электриком на танковом заводе. В течение двух лет он, как хороший специалист, имел «бронь», но после сражения на Курской дуге личного состава в Красной армии стало не хватать, поэтому были мобили-

зованы все мужчины, которых можно было заменить на рабочем месте женщинами или подростками. Во время войны Антонов попал в плен и был освобожден американскими войсками. О его пребывании в плену, чем он там занимался и где содержался, известно ничего не было. По возвращении на Родину ему, как побывавшему в плену, впаяли десять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере строгого режима. Весь срок, от звонка до звонка, Михаил Ильич отбыл на лесоповале. После освобождения в Челябинск он не вернулся, осел в Верх-Иланске.

У Михаила Ильича было трое детей: Петр, Марина и Наталья.

Петру месяц назад исполнилось 25 лет. Он был холост и считался завидным женихом. Вернее, не так — он был *стандартный жених*, эталонный. Петр отслужил в армии, работал водителем на молоковозе. Он был широкоплечий и мощный, как отец, но гораздо выше ростом. У Петра были славянские черты лица, густая грива русых волос и голубые глаза. По характеру он был спокойный, приветливый, с чувством юмора. По выходным, как и все мужики в Верх-Иланске, выпивал, но пьяным не напивался. Женившись, Петр будет хорошим семьянином, вся жизнь которого потечет размеренно, однообразно и скучно: пять дней в неделю за баранкой, в пятницу, после работы, сто грамм с друзьями и графинчик водки за семейным столом. В субботу баня и супружеский долг (любовь, во всех ее проявлениях, предусмотрена в этом графике только один раз в неделю). В воскресенье футбол по телевизору или работа по хозяйству.

К такому же типу семейной жизни будет стремиться его сестра Марина. Я несколько не сомневаюсь, что

она будет мне хорошей женой, но сама перспектива потонуть в общепринятых стандартах быта и поведения пугала меня. Я не хочу быть сдержанным в своих чувствах и жить с постоянной оглядкой на окружающих. Мне всегда не нравилась та напускная холодность, которая появлялась между моими родителями в присутствии посторонних — они словно стеснялись показать, что любят друг друга. Невинный поцелуй на улице был для них поступком совершенно невозможным, выходящим за рамки приличия.

На фиг такую жизнь — одни условности! Я враг условностей. Я хочу любить свою жену, когда захочу и где захочу. Плевал я на вырезанные в граните нормы морали — сами по ним живите. По субботам. После бани.

В малом зале, выведя меня из размышлений о семье Антоновых, раздался лихой посвист и стук каблуков о сцену — там началась репетиция верх-иланского ансамбля народного творчества.

— Зайдем, посмотрим репетицию? — предложил Заборский.

— Нет, нет! — воспротивился я. — Давайте лучше проверим другие помещения, обезопасим себя со всех сторон. Мне бы лично не хотелось, чтобы какой-нибудь алкаш выполз к ветеранам и испортил им праздник. Здесь, на этом этаже, кроме помещений, которые занимает ансамбль песни и пляски, что еще есть?

— Библиотека, кабинет директора ДК и музей боевой славы. Музей должен быть закрыт.

— Давайте бегло, для порядка, осмотрим все помещения, вернемся вниз и пройдемся по цокольному этажу.

Инструкторы райкома, недовольно поглядывая на часы, согласились. Энтузиазм заниматься планиро-

ванием обеспечения охраны общественного порядка иссякал у них с каждой минутой — время близилось к обеду, священному часу приема пищи.

Директор ДК, Дегтярев Вячеслав Федорович, встретил нас с распростертыми объятьями.

— Здравствуйте, товарищи! Осматриваете предстоящее поле битвы? — Дегтярев поочередно пожал нам руки. — Чаю не желаете?

Вячеслав Федорович был на пять лет старше Михаила Антонова. Невысокого роста, худощавый, с редкими жиденькими волосами, он был подвижным и полным энергии активистом. На людях Дегтярев всегда появлялся в пиджаке с орденом Красной Звезды на груди.

От директора ДК мы прошли в библиотеку, где за столом в ожидании посетителей сидела тихая и неприметная библиотекарша — Наталья Антонова, младшая дочь Михаила Ильича.

Наташе было двадцать лет. Среднего роста, миловидная, кареглазая, с модной стрижкой «итальянка», она производила впечатление девушки меланхоличной, отрешенной от мира сего, вечно пребывающей в своих никому не ведомых далях. Когда Наташа разговаривала с мужчинами, с ее губ не сходила легкая ироничная улыбка, за которой скрывалось непонятно что: то ли полное презрение ко всем лицам мужского пола, то ли бушующая в глубине души любовная страсть, которой никогда не суждено вырваться наружу. Ее снисходительная улыбка выводила меня из себя. Мне хотелось встряхнуть ее и сказать: «Наташа, ты своими ухмылками меня когда-нибудь доведешь до греха! Не буди во мне первобытные чувства, не испытывай меня на прочность».

Как-то раз мне приснилось, что я насилую Наталью, а она извивается подо мной, стонет от наслаждения, кусается и царапается. Надо же так совпасть, что утром после этого сна я встретил ее на улице. Мы на ходу поприветствовали друг друга и разошлись, но я успел перехватить ее многозначительную улыбку. Клянусь, в этот миг я был уверен, что этой ночью нам снился один и тот же сон.

Все трое детей Михаила Антонова настолько сильно отличались друг от друга характерами, словно воспитывались в разных семьях. Сын Петр был рубаха-парень, простой и открытый. Маринка — себе на уме, расчетливая, временами взбалмошная и психованная. Наталья — с виду инертная, застенчивая девушка. Даже внешне дети в семье Антоновых различались: Петр — русоволосый, Маринка — светло-рыжая, Наталья — кареглазая брюнетка. По закону Менделя, она никак не могла быть родной дочерью голубоглазого Михаила Ильича.

После библиотеки мы спустились в цокольный, полуподвальный этаж. Все помещения в нем сообщались между собой подковообразным коридором. Центральную часть цокольного этажа занимали трубы системы отопления и автономная котельная.

В момент нашего прихода в самом большом полуподвальном помещении завхоз ДК собрала на «летучку» подчиненный ей персонал: техник, подсобных рабочих, электриков и сантехников. При нашем появлении шум голосов на собрании смолк.

— Что обсуждаем, товарищи? — спросил Заборский.

— Кому оставаться на сверхурочные работы первого сентября, — за всех ответила завхоз.

— Анастасия Павловна, — обратилась к ней Бобоева, — покажите товарищу Лаптеву цокольный этаж. Он осмотрит его в плане безопасности мероприятий на первое сентября.

— Вы уходите? — обернулся я к инструкторам.

— Пожалуй, пойдём, — ответил Николай Иванович. — Основные помещения мы проверили, мероприятия на площади согласовали, а здесь, в подвале, вам Анастасия Павловна все покажет.

Завхоз первым делом повела меня в левую сторону цокольного этажа.

— Тут у нас занимаются секции детского творчества. — Анастасия Павловна показала на ряд кабинетов с табличками на дверях. — С другой стороны расположены мастерская художника ДК, пошивочная мастерская по изготовлению костюмов для ансамбля, электрошвейная, шахматно-шашечный клуб.

В крыло, где располагались детские секции, спустился представительный мужчина лет тридцати пяти, в костюме, при галстукке. Очки в толстой оправе и аккуратная причёска придавали ему интеллигентный вид. Это был Седов Анатолий Сергеевич. Он работал учителем истории в школе, а в свободное время руководил детским радиотехническим кружком.

— Когда открываться думаете? — спросила его завхоз.

— Числа после десятого начнём работать. Пока учебный год не наступит, ребятню в ДК не затащишь, все на улице бегают, последними свободными деньками наслаждаются... Картошку в поле не пробовали подкапывать, Анастасия Павловна?

— Муж ездил, ведро привез, вроде бы ничего.

Как только начался разговор об урожае, я вернулся к выходу с цокольного этажа, вызвал Ингу с собрания.

— Не подскажешь, кто мог просигнализировать моему руководству, что я у тебя оставался на ночь?

— Без малейшего понятия. Андрей, поселок маленький, завистливых бабенок много. Кто угодно мог кляuzu накатать, даже та, на кого сроду не подумаешь.

— На меня мужик донос написал, не женщина.

— Тогда тем более не знаю. — Она честно, открыто посмотрела мне в глаза, и я понял — врет. Знает, кто написал, но не хочет выдавать этого человека.

Вечером того же дня один словоохотливый старичок, сосед Инги по улице, рассказал мне, что к ней под разными предложениями стал захаживать Паксеев, пенсионер еще крепкий, к женскому полу не остывший.

«Вот ведь кобель старый! — подумал я. — Хочешь с ней любовь крутить, кто же тебе не дает? Инга мне не подруга и не любовница, я не собираюсь от нее мужиков палкой отгонять. Мало, что ли, в Верх-Иланске незамужних женщин, чтобы мне за Ингу держаться?»

5

Первого сентября стояла сухая солнечная погода. Намечавшийся накануне дождь так и не начался, все опасения, что на площади придется стоять в лужах, не подтвердились.

Гости мероприятия — представители ветеранских организаций области стали прибывать с самого утра. Для тех, кто приехал слишком рано, в ДК организовали выступление верх-иланского хора. Областное радио и телевидение отказалось посылать своих представителей в Верх-Иланск, предоставив право освещать церемонию открытия Вечного огня корреспондентам местной районной газеты.

К 11 часам площадь перед памятником воинам, павшим в Великой Отечественной войне, была заполнена народом, все приглашенные и участвующие в церемонии заняли свои места. Ветераны войны стали напротив памятника: слева отдельной группой — приглашенные ветераны, справа — местные. Между ними, как связующее звено, райкомовские работники. У столба по моему предложению была установлена тумба, на которую взобрался водитель председателя райисполкома, молодой парень, недавно пришедший из армии. В белой рубашке, с пионерским галстуком, он держал в руках горн.

Мирошниченко и сопровождающие его лица появились ровно в одиннадцать. Как только они вступили на площадь, из громкоговорителей на площади зазвучала музыка — церемония началась.

Стоя в стороне, я наблюдал за ветеранами войны, для которых, по идее, и было организовано это мероприятие. Ветераны помоложе, особенно приезжие, с интересом рассматривали ножки старшеклассниц в коротких школьных платьях. Другие ветераны посматривали на часы, прикидывали, сколько времени осталось до праздничного обеда. Сама церемония зажжения Вечного огня и торжественная речь товарища Мирошниченко никого не интересовали. Всем присутствующим было понятно, что Вечный огонь Мирошниченко зажигает в честь самого себя, дабы увековечить память о себе, а не о неких безымянных воинах, павших на полях сражений с гитлеровской Германией.

В полдень Мирошниченко двинулся через площадь с факелом. «Пионер» на тумбе вскинул горн. Два комсомольца с зажженными факелами встретились с первым секретарем райкома партии в двух шагах от па-

мятника. Антон Антонович зажег от их факелов свой, подошел к постаменту и без осечек и эксцессов зажег Вечный огонь. Над площадью зазвучал гимн СССР. Я пошел перекусить, пока было время.

В три часа дня меня вызвал к себе Гордеев.

— До какого часа они будут там праздновать? — спросил он, имея в виду ветеранов в ДК.

— Иногородние должны сейчас уехать. В 16.00 за столы сядут наши ветераны. По сценарию, торжественный обед должен закончиться в 18.00, но если старички засидятся за столом, то им дадут еще час времени. На 19 часов запланирована уборка зала...

У Гордеева на столе зазвонил телефон. Он, поморщившись как от приступа изжоги, поднял трубку:

— Что случилось? Драка? Прямо в ДК? Мать его, только этого нам не хватало!

Гордеев с раздражением бросил трубку, нажал интерком связи с дежурной частью:

— Вышли один экипаж охраны к ДК и вызови ко мне замполита и Казачкова.

— Ветераны подрались? — спросил я.

— Иди в ДК и реши все вопросы на месте! — приказал Гордеев.

Тяжело вздохнув, я поднялся с места. Не дело это — инспектору уголовного розыска разбором драк заниматься! Для этого целая служба участковых инспекторов милиции есть.

— Андрей, — видя мое недовольство, сказал Гордеев, — ты у меня самый молодой офицер, но чуть ли не самый опытный. Ты — мой резерв на случай непредвиденных ситуаций. Иди в ДК и вернись ко мне с рапортом, что все проблемы улажены. Если там случилось что-то серьезное, запрашивай помощь.

Я пошел к двери.

— Андрей Николаевич! — громко и весело сказал мне вслед начальник РОВД. — Партия и советское правительство с надеждой смотрят на тебя! Комсомол на тебя смотрит. Я на тебя смотрю...

Кто еще смотрит на меня, я не дослушал — вышел за дверь.

На первом этаже ДК было немногочленно. Двое участковых инспекторов милиции разогнали всех ненужных людей: кого — на улицу, кого — на второй этаж, кого — на цокольный. Увидев меня, один из участковых подошел с докладом.

— Некто Сыч, иногородний ветеран, оскорбил нашего старика по фамилии Трушкин и получил от него в нос. Трушкин нами задержан и сейчас сидит в служебном помещении на цокольном этаже. Сычу врач оказывает первую помощь.

— Из-за чего возникла драка? — спросил я.

— Да какая там драка! Слово за слово, повздорили. Трушкин ему двинул по носу, и их тут же разняли.

— И все-таки? Люди в таком возрасте ни с того ни с сего кулаками не машут.

— Причиной ссоры стал давний конфликт между «нашими» и «вашими». Сыч — ваш, а Николай Анисимович — наш, вот они и повздорили.

Я обернулся. За моей спиной стоял Паксеев, председатель Верх-Иланского совета ветеранов.

— «Наши» и «ваши» — это кто? — спросил я. — «Наши» — это верх-иланские, а «ваши» — это городские?

По интонации Паксеева я чувствовал, что «ваши» каким-то образом имеют отношение и ко мне.

— «Ваши» — это те, кто на фронте ни дня не был, а всю войну в войсках НКВД отсиживался, зэков в ла-

герях охранял. А наши — это фронтовики, окопники. Орденосцы!

От Паксеева несло водкой. Каждое слово он произносил с нескрываемым презрением. Хорошо, что я накануне узнал о его связи с Ингой, а так бы стоял как дурачок, хлопал глазками и не понимал, с чего бы это на меня вдруг взъялся почтенный, уважаемый всеми ветеран.

— А есть еще не «наши» и не «ваши», — продолжил он, — а так себе, непонятно кто. Такие, как твой тесть, например.

Мне захотелось так двинуть Паксееву в челюсть, чтобы он отлетел к стойке вахты и валялся там до моего ухода. Ненавижу, когда кто-то лезет в мои личные дела.

— А мой тесть — это кто? — стараясь оставаться спокойным, спросил я.

— Вон стоит в углу, зыркает на всех, как зверюга. — Юрий Иосифович кивнул в сторону буфета. Я посмотрел, куда он указывал. У буфетной стойки стоял, хмуро поглядывая на Сыча, Михаил Антонов.

— Понятно, про кого речь. — Я облизнул пересохшие губы. — У него две дочери, какая же из них моя жена?

— Рыжая, конечно! Младшенькая-то у него совсем малахольная, ей бы еще в бирюльки играть, а она уже на работу вышла, мужикам глазки строить. Только ничего у нее здесь не получится. Лучше бы она к вам в милицию шла работать, там кобелей побольше, кто-нибудь да позарится на ее кривые ноги.

«Врет, сволочь, — автоматически отметил я. — Нормальные у Наташки ноги, ровные. Это у Инги ноги чуть-чуть кривые, рахитные. На свалке же выросла, там витаминов с самого рождения не хватало».

С лестницы второго этажа раздался цокот каблучков. К нам легкой походкой спустилась нарядно одетая Бобоева.

— Где Трушкин? — властно спросила она.

— В подвале, — сквозь зубы процедил Паксеев.

Вслед за Бобоевой в фойе появился Заборский.

— Николай Иванович, — обернулась к нему Бобоева, — забирайте Трушкина и ведите наверх, к Антону Антоновичу. Андрей Николаевич, пойдете со мной.

Мы отошли в сторону.

— Антон Антонович велел нам уладить этот конфликт. Вернее, конфликт улаживать буду я, а вы будете мне помогать как представитель правоохранительных органов. Причину ссоры вы знаете?

— Один служил в НКВД, а другой был на фронте?

— Вот именно, из-за чепухи повздорили.

— Кому как! Для них, наверное, это далеко не чепуха.

— Людмила Александровна, — к нам подошел представитель райисполкома, — автобусы с иногородними ветеранами готовы к отправке. Что будем делать?

— Отправляйте автобусы, — распорядилась Бобоева. — Иногородние ветераны не виноваты, что у нас произошел такой досадный инцидент.

— А как же с этим, с «раненым»?

— Мы его на райкомовской «Волге» домой увезем. Пойдемте, Андрей Николаевич!

Потерпевший Сыч, очень грузный лысый мужчина, сидел на стуле у окна. Кровотечение из носа у него уже прекратилось, губы на первый взгляд были целы.

— Мы приносим вам свои глубочайшие извинения, — затараторила Бобоева. — У Антона Антоновича есть предложение: чтобы у вас не осталось тягостных

воспоминаний о сегодняшнем празднике, он предлагает еще посидеть за столом и выпить, так сказать, мировую: вы, он и Трушкин. Право, у вас конфликт произошел на ровном месте...

Из ее словесного потока Сыч уловил два момента: его приглашает выпить сам товарищ Мирошниченко; домой его, как почетного гостя, отвезут на райкомовской «Волге».

— Пойдемте, я на этого драчуна зла не держу, — поднялся с места Сыч. — Как его хоть зовут-то?

Людмила Александровна увела ветерана наверх, а я пошел на вахту звонить Гордееву. По пути мне попался Заборский.

— Николай Иванович, — остановил его я. — Людмила Александровна так стремительно увела пострадавшего, что я даже не спросил у него, будет он писать заявление на обидчика или нет?

— Ничего не будет, — заверил Заборский. — Мирошниченко умеет с людьми ладить.

Начальник РОВД, выслушав информацию о происшествии, велел мне оставаться в ДК до конца всех мероприятий.

Около часа я слонялся по фойе, перечитал все афиши, выпил несколько чашек чая в буфете. В самый разгар веселья на втором этаже появился Казачков.

— Бдишь? Молодец! Больше никто не подрался? — спросил он, осматривая фойе.

— Эти-то двое непонятно из-за чего сцепились. Ну и что, что один из них был на фронте, а другой — нет? Оба же ветераны.

— Это все паксеевские интриги. Как его выбрали председателем совета ветеранов, так он стал разделять ветеранов на тех, кто был в действующей армии, и тех,

кто служил в войсках НКВД. А здесь, сам представь, были три огромные зоны, половина офицеров, выйдя в отставку, остались жить в поселке. Те из них, кто начал служить во время войны, сейчас имеют статус ветерана, точно такой же, как у тех, кто всю войну в окопах провел. Только ничего у Паксева не получится. Дегтярев, директор ДК, тоже служил в НКВД. Утверждает, что шпионов в тылу ловил, но чем занимался на самом деле, никому не известно. Так вот, у Дегтярева отношения с Мирошниченко куда как лучше, чем у Юрия Иосифовича.

— Зачем это Паксеву, чего ему не хватает?

— Личные амбиции. Он хочет быть самым уважаемым ветераном в поселке.

— По-моему, Паксеев — просто сволочь. Зачем он на Антонова наговаривает, что тот вообще не ветеран?

— Так оно и есть. Антонов после освобождения на реабилитацию не подавал, так что в военкомате он числится как бывший зэк.

— Чуть какая-то! Он же был на фронте, воевал.

— По бумагам он не воевал, а в лагере сидел. Бюрократия, против нее без бумажки не погрешь! С другой стороны, кто ему мешает на реабилитацию подать? Давно бы уже все документы получил. Когда женишься на его дочке, займись этим вопросом.

— Вадим Алексеевич, а на какой из его дочерей вы бы посоветовали жениться? — ехидно спросил я.

— Как на какой? — удивился он. — У тебя же с Маринкой, как говорят, все в полном ажуре. Или не так? Или ты уже передумал на ней жениться?

— Ничего не пойму! В понедельник вы меня с Гордеевым выпрашивали, не собираюсь ли я на *комнибудь* жениться. Я ответил, что нет. Сейчас я уже от

второго человека слышу, что Михаил Антонов — мой будущий тесть. Что такого случилось за три дня?

— Ничего не случилось. Спрашивали мы тебя так, для порядка, а на самом-то деле все знают, что Маринка — твоя невеста.

— Почему я об этом не знаю? Что за дурацкие интриги за моей спиной? — Настроение у меня начало стремительно портиться.

— Да нет никаких интриг! Ты в поселке живешь, здесь от людей ничего не скроешь, здесь все на виду. Сам посуди, как твои отношения с Мариной Антоновой выглядят со стороны: она приехала в гости к родителям, одну ночь, для приличия, переночевала у них, а все остальное время прожила у тебя. Она после этого тебе кто, просто знакомая, что ли?

— Обалдеть! А если у меня другая девица сутки проживет, то я что, многоженцем стану?

— Андрей, здесь не город, здесь вот какой закон: если женщина от тебя уходит затемно, пока никто не видит, это значит, что ты с ней просто встречаешься. А если она от тебя, не таясь, днем выходит, то это значит, что между вами есть «отношения» и ты — ее мужик.

— Вот черт! Я-то ничего не знал. Спит девчонка да спит — воскресенье же, куда рано вставать. Вадим Алексеевич, а если Маринка еще раз приедет, а я ее на порог не пушу, тогда как?

— Тогда ты снова станешь свободным мужчиной, а пока она не вернулась, ты будешь числиться ее женихом. Вариант: найдешь другую женщину — Маринка отпадет.

— Вадим Алексеевич, тогда объясните мне вот что: если я как бы зять Михаилу Антонову, то какого черта он на меня волком смотрит? Я его дочку к себе насильно не затаскивал и жениться на ней не обещал.

— Ты мент, ты современный энкавэдэшник, вот в чем суть. Пока Антонов был в лагере, ему за строптивый характер охранники не один раз ребра ломали да половину зубов выбили. Как он после этого должен относиться к зятю в красных погонах? Только это все ерунда! Стоит тебе публично сказать, что, мол, у тебя с Маринкой все серьезно, так Антонов сам к тебе с бутылкой придет, «познакомиться», так сказать.

— В городе проще жить, — резюмировал я его разъяснения местных законов и обычаев.

— Где-то проще, а где-то нет, — уклончиво ответил Казачков, но по его виду было нетрудно догадаться, что ему доставило удовольствие просветить меня, городского простофилю, о житейской сущности самых элементарных вещей и понятий.

Вадим Алексеевич посмотрел на часы.

— Дело близится к концу. Давай сделаем так: ты иди на второй этаж, проконтролируй там, чтобы окончание банкета прошло без эксцессов, а я тут все организую.

На втором этаже продолжался торжественный обед. Во главе стола сидел Дегтярев, по правую руку от него — Паксеев. Ослабший от водки Сыч спал на диване в углу. Трушкин курил у раскрытого окна.

Ни Мирошниченко, ни Бобоевой, ни Заборского в зале уже не было.

Обойдя вдоль стены застолье, я, сам того не желая, пришел в библиотеку.

— Здравствуйте, Наталья Михайловна, — елеинным голоском поприветствовал я библиотекаршу. — Как дела ваши, не мешает ли шум за стеной?

— Здравствуйте, Андрей Николаевич! — Она никак не отреагировала на мою неуместную иронию. — Вы

почему к нам в библиотеку не заходите, книжки читать не берете? У нас очень хороший выбор художественной литературы.

— некогда мне книжки читать, Наталья Михайловна! Работа с утра до ночи!

— Для хорошей книги всегда можно найти время.

— Что сестра пишет, когда в отпуск приедет? — Я решил уйти от книжной темы. Не разьяснять же мне Наталье, что несколько любимых книг я вожу с собой еще со времен учебы в Омске и время от времени их перечитываю.

— Марина в середине сентября обещала приехать, картошку копать. А вы, Андрей Николаевич, с кем картошку копать будете? — загадочно улыбнувшись, спросила она.

— Ни с кем, — жестко заверил я.

— Не получится. Весь поселок в поля выйдет, все будут картошку собирать, а вы один никуда не поедете? Андрей Николаевич, вас, молодого сильного мужчину, в стороне от копки картошки никак не оставят. Кто-нибудь попросит помочь мешки в поле таскать, и вы не сможете отказаться.

В библиотеку заглянул участковый. Увидев по его глазам, что случилось несчастье, я, не попрощавшись, вышел в холл.

— У нас труп в мужском туалете, — прошептал он мне на ухо. — Казачков ждет внизу.

6

Труп ветерана по фамилии Сыч лежал на полу в мужском туалете, спиной к стене, ногами к выходу. При падении он подмял под себя правую руку, и теперь

она виднелась из-под тучного туловища только наполовину. Голова Сыча была на вид целой, но на полу вокруг нее уже успела набежать целая лужица крови.

Раковина умывальника за спиной трупа была разбита, отколовшийся осколок валялся рядом с телом покойного. Общий порядок в туалете нарушен не был.

Я наклонился над трупом, пощупал левый висок. Кости под пальцами податливо шевелились.

— Андрей, — позвал меня Казачков, — ты у нас самый опытный в таких делах. Скажи, это он сам упал? Он же пьяный был, еле на ногах держался...

— До того, как он упал на раковину и разбил об нее голову, кто-то от души врезал ему в область уха и сломал височную кость. Смерть, как я думаю, наступила от удара об умывальник.

— Может быть, все-таки он сам? — из-за спины Казачкова подал голос Виктор Горшков, мой сосед по кабинету. — Поскользнулся и упал виском на раковину.

Я выпрямился, посмотрел на коллег.

— Что вы скажете об этом? — Я показал рукой на единственное зеркало, висевшее за спиной у оперативников.

Они обернулись, матом выразили появившиеся чувства: на зеркале кровью был выведен знак — вертикальная линия, небольшая, всего сантиметров двадцать длиной, и две лапки, расходящиеся вниз под одинаковым углом. Ни при каких, даже самых фантастических обстоятельствах смертельно раненный Сыч сам бы не смог оставить этот знак.

— Что это, мать его? — процедил сквозь зубы Казачков.

— Что это такое, я не знаю, но если вокруг этой фигни нарисовать окружность, то получится распро-